

Н.Я. МАЗЛУМЯНОВА

К ВЫХОДУ КНИГИ Б.З. ДОКТОРОВА «ОТЦЫ ОСНОВАТЕЛИ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ» (заметки редактора)

«Отцы-основатели» [1] — уже вторая книга, написанная Борисом Докторовым о людях, стоявших у истоков исследований общественного мнения в Америке и России. Предыдущая — «Первопроходцы мира мнений» [2] — опубликована полгода назад. Выход книг приурочен к знаменательной дате: в 2005 году исполнилось 70 лет с начала научных опросов населения в Америке и 45 лет — в России. В первой книге, изданной Фондом «Общественное мнение», тема была обозначена, оконтурена, во второй, выпущенной Центром социального прогнозирования Франца Шереги, заявленные идеи углублены и развиты.

Мне посчастливилось редактировать обе. Борис Докторов живет в Калифорнии, и в процессе «доводки» книг (он дописывал, я редактировала) мы с ним вели активную переписку по электронной почте, длившуюся почти год. Наблюдения за работой автора над текстами и его письма позволяют увидеть творческую «кухню», а значит лучше понять написанное. Данные заметки — не рецензия и не обзор; скорее это взгляд из-за кулис. Желание рассказать о том, что «осталось за кадром», вызвано еще и тем обстоятельством, что при написании книг удивительным образом каждый раз оказывалось, что автор жестко ограничен заранее заданным объемом текста; в таких случаях он, стараясь сохранить максимальное количество важных и во многом новых для читателя объективных фактов, прежде всего ограничивал себя — убирая из текста свои рассуждения, интерпретации, оценки.

Определяя жанр своего исследования, Б. Докторов назвал его «историей и биографией опросов общественного мнения» [3]. Работа посвящена основным событиям в семидесятилетней истории современных опросов населения, а также биографиям людей, благодаря которым эти опросы называются научными. Но на самом деле в своем повествовании автор часто углубляется в более удаленное прошлое, чем заявленные 70 лет, — рассказывает ли он об истории соломенных опросов или описывает генеалогию своих героев. Большое и принципиальное значение придается также становлению профессиональной

Мазлумянова Наталия Яковлевна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН. Адрес: 117218 Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, к. 419. Телефон: (495) 313-4441. Электронный адрес: mazlumyanova@comtv.ru

этики и профессиональных стандартов деятельности полстеров: все это Б. Докторов относит к основному наследию отцов-основателей исследований общественного мнения.

Современным научным опросам в Соединенных Штатах предшествовали соломенные опросы, насчитывающие почти 200 лет. История опросов — это часть истории демократии: учет мнений населения позволяет последнему принять реальное участие в политике страны, в определении своей судьбы. Относя себя к «поколению шестидесятилетних», во многом близкому по духу к поколению «шестидесятников»¹, Б. Докторов искренне верит в неразрывность демократии и опросов общественного мнения, и этим объясняется гражданский пафос его книг. У автора несколько романтизированное видение своих героев, прежде всего, главного из них, Джорджа Гэллапа, многие десятилетия стремившегося воплотить в жизнь не только свои идеалы, но и заветы предков, девяти поколений американских Гэллапов. Они прибыли в Америку в 1630 году и были среди первых поселенцев Новой Англии. И хочется вместе с Б. Докторовым верить — все так и было: «герои книги в своей первопроходческой деятельности всегда руководствовались высокими идеалами и видели свое предназначение в развитии демократии» [2, с. 20].

Автор отчетливо осознает эту свою пристрастность и, более того, считает ее проявлением высшей объективности, заставляющей историка глубже и внимательней изучать свой предмет: «...на мой взгляд, при создании биографий — пусть это звучит парадоксально — пристрастность является основой объективности, она как бы “первее”. Рационализм обеспечивает объективность, но без пристрастности нет внутреннего импульса к поиску, а уважение к тому, о ком пишешь, не позволит идти против фактов» [4]. Приведу один пример из письма, в котором автор говорит о своем отношении к героям этой книги: «...я их действительно люблю... если честно, то я уже их настолько знаю, что нередко читаю о них что-то впервые, но мне уже это знакомо... я знаю о Кроссли больше, чем его дочь... я понимаю больше, чем даты, я понимаю логику их деятельности, что много важнее... я стараюсь не ошибиться в главном»².

Такое явное неравнодушие автора к своим героям, в общем-то, нетипично для научного жанра. Однако в данном случае эмоциональность изложения вполне уместна еще и потому, что, как я уже сказала выше, работе свойственно ярко выраженное гражданское звучание. Цель деятельности полстеров в понимании автора не ограничивается просто сбором данных «под заказ». Результаты их работы — это зеркало, позволяющее обществу увидеть и лучше понять себя, а тем, кто

¹ Электронное письмо Б. Докторова Н. Мазлумяновой от 3.04.2005 г.

² Электронное письмо Б. Докторова Н. Мазлумяновой от 28.02.2005 г.

обустраивает его судьбу, — планировать свои политические действия и программы в интересах населения. Кроме того, (и это уже мое мнение) это зеркало позволяет каждому конкретному члену общества — избавиться от иллюзий, привносимых абстрактными понятиями «наша страна», «наш народ», и осознать реальное положение вещей, действительно понять свою страну, увидеть свое место в ней.

В этой связи Докторов, размышляя о судьбах опросов населения в нашей стране, отмечает, что современные российские полстеры страдают определенной близорукостью, проявляющейся, среди прочего, в том, что «они низко ценят *свой* труд... феномен Гэллапа — прежде всего не в технологии (это *сегодня* все делают, и потому многим кажется, что это просто), а в *вере* в то, что его исследования нужны демократии... наши лучшие полстеры относятся к своей работе как технологи измерения (общественного мнения), а не как апостолы демократии (по Гэллапу)»³.

Автору свойственно обостренное чувство «связи времен». Одно из положений, настойчиво проводящихся в книге: прошлое — это часть настоящего. Поэтому «Первопроходцы мира мнений» открываются параграфом «Историческая книга о современниках». «Я убежден, — говорит Б. Докторов, — что нет “гладкого”, “гомогенного”, “постоянного” настоящего. Настоящее — это огромное пятно неправильной и постоянно меняющейся конфигурации» [4]. За счет «освоения» прошлого наше настоящее наращивается, «утолщается», становится более объемным, обеспечивает лучшее видение, понимание реальности, делает более отчетливым будущее [5].

Сам Б. Докторов на протяжении длительного времени занимался опросами общественного мнения: в 1970-х годах в ленинградских академических организациях, во второй половине 1980-х — во ВЦИОМе. Изучая и разрабатывая методологию опросов, он заинтересовался сначала логикой ее развития (прежде всего в США), а затем и историей ее становления. Однако, считает он, динамика измерительных методов и развитие исследовательской культуры не могут быть восстановлены без изучения жизни и творчества их создателей. Потому произошел переход к изучению личностей, становлению научных интересов основателей этих методов: «...первоначально задумывавшееся историко-методическое, или методико-историческое, исследование почти сразу трансформировалось в историко-научное, включающее два направления: изучение биографий тех, кто начинал в Америке проведение опросов, и рассмотрение использовавшихся ими приемов сбора информации» [2, с. 15].

Оказалось, что история развития методов отлична от истории становления предметной области; автор прослеживает миграцию методов,

³ Электронное письмо Б. Докторова Н. Мазлумяновой от 22.02.2005 г.

использующихся при опросах мнений, из других исследовательских областей. Большая часть отцов-основателей пришла к опросам общественного мнения из таких сфер, как реклама, маркетинг, журналистика, а также из академических областей, прежде всего, психологии. Оттуда же и были привнесены используемые ими при зондажах мнений методы. В то время, когда в опросах, измерении аудитории прессы и радио по заказам рекламодателей уже всюду использовались более-менее точные выборочные методы, опросы населения, в том числе электората, проводились по старинке и основное внимание уделялось не качеству выборки, а ее объему.

В процессе работы Б. Докторов «перелопатил» огромное количество литературы. Среди его источников информации — не только библиотечные, архивные и интернетовские материалы, но и множество личных писем и документов, полученных им от родственников, бывших коллег, соратников и продолжателей дела героев его книги. Автор вводит в научный обиход (не только России, но и Америки) массу новых имен и фактов. С сожалением он отмечает: «Америкой заниматься много легче, чем Россией... В Америке я обращаюсь к самым что ни есть гуру, некоторые из них 1915, 1919 года рождения, и получаю полнейшие ответы, архивы — открыты, плачу не очень дорого и получаю уникальные материалы, старые книги покупаю через Интернет... А в России от многих живых, слава Богу, и действующих не могу месяцами получить ответа»⁴. Ограниченный объем обеих вышедших книг не позволил продемонстрировать все богатство имеющегося у Б. Докторова материала, которого, по его оценкам, хватило бы на книгу в 50 а. л.

В обеих работах широко используется «калейдоскопический» способ подачи материала. Обилие приводимых фактов, эпизодов из жизни персонажей, цитат (именной указатель второй книги включает порядка 300 персоналий) позволяет увидеть ситуацию объемно, с многочисленных точек зрения, составить собственное мнение о происходящем; эта мозаика провоцирует дальнейшие читательские размышления⁵. Автор сравнивает такой способ организации текста с последовательностью кинокадров, позволяющей при просмотре фильма воссоздать движение. «Писать надо по возможности так, чтобы читатель сам все время думал, достраивал... Это неважно, что автор и читатель (в момент чтения) часто по-разному понимают текст, от этого в принципе никуда не уйти. Важно, чтобы в любом случае у читателя была [своя] интерпретация, факты запоминаются, понимание меняется во времени...»⁶.

⁴ Электронное письмо Б. Докторова Н. Мазлумяновой от 8.02.2005 г.

⁵ Электронное письмо Б. Докторова Н. Мазлумяновой от 22.02.2005 г.

⁶ Электронное письмо Б. Докторова Н. Мазлумяновой от 14.01.2004 г.

По словам Бориса Докторова, первоначально ему казалось, что про его героев все уже известно, тема, в общем-то, закрыта. Но вскоре ему стала понятной обманчивость этого впечатления. Ухватившись за один из эпизодов, упомянутых Гэллапом в его интервью, как за ниточку от клубка, «идя по следу, как гончая», автор выявил массу информации, позволяющей ему гораздо шире и глубже представить своего героя. Так возник поисковый метод, который он назвал «к Гэллапу от Гэллапа и от людей, окружающих его». Восстанавливая коммуникационные сети, Докторов и подошел к своему «калейдоскопическому» способу описания [5].

Я намеренно не останавливаюсь здесь на пересказе содержания — читатель с удовольствием прочитает книгу сам. Хочу выделить лишь некоторые, наиболее интересные для меня моменты.

Автор отмечает, что, несмотря на принципиально разные социально-политические и экономические условия в СССР/России и США, существует явный параллелизм в развитии исследований общественного мнения в этих странах. (В России подобные исследования представлены, прежде всего, работами Б. Грушина.) «Американских отцов-основателей и Грушина... сближает отчетливая установка, стремление сделать все возможное для проникновения опросов общественного мнения в политическую, социальную, культурную ткань общества» [1, с. 473]. В обеих странах опросы общественного мнения возникли при сотрудничестве прессы и социальной науки и финансировались прессой. Параллельность обнаруживается и в работе редакционных команд, их настрое и даже биографиях лидеров газеты «Комсомольская правда» и журнала «Fortune», сыгравших ключевую роль в возникновении опросов общественного мнения в СССР и США; в общности поколенческого опыта редакций этих изданий — американцы пережили Первую мировую войну и несколько позже — Великую депрессию, команда «Комсомолки» — Вторую мировую. Более того, руководители «Комсомольской правды» и Грушин нашли ту же форму организации системы опросов, которая была введена «Fortune» и которая была распространена в США начала 1940-х годов — эта форма называется поллом [1, с. 471-473]. Но то, что в США имело мощные и разветвленные «корни», у нас возникло из ничего, «на пустом месте», на энтузиазме, вызванном «оттепелью» 1960-х годов. Соответственно, эти исследования были ограничены — и местом, и временем, теми условиями, которые им предоставляла государственная система. Поэтому из одиннадцати глав «Отцов-основателей» только одна описывает историю развития общественного мнения в России. Личный комментарий автора таков: «Я понимаю, что как социолог Грушин много сильнее и Роупера, и Кроссли... знаете, за державу обидно...»⁷.

⁷ Электронное письмо Б. Докторова Н. Мазлумяновой от 3.02.2005 г.

Если бы не работы Б. Докторова, представленные, прежде всего, этими двумя книгами, а ранее — серией статей питерского журнала «Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев» и в Интернете (большинство из них опубликованы на странице Докторова <<http://www.pseudology.org/Gallup/index2.htm>> и на сайте ФОМ-клуба <<http://club.fom.ru/users/146>>) история опросов общественного мнения для российского читателя была бы почти закрыта.

Хочется отметить, что за все годы своей редакторской работы я не встречала более покладистого автора — во всех случаях, где только можно было пойти на уступки, связано ли это было с заданными объемами работ или стилем подачи материала в журнале (мне приходилось редактировать и статьи Б. Докторова, и брать у него интервью для «Социологического журнала»). Случалось, я больше жалела о том, что пришлось выбросить из текста какой-то кусок, чем сам автор. Приведу в этой связи фрагмент еще одного письма: «...не только редакторам и рецензентам хочется менять слова, абзацы, предложения... автору — прежде всего. Я редко перечитываю опубликованное сразу после выхода, так как часто грустно становится из-за написанного. Но просмотр того, что было опубликовано после всех редакций, поправок, корректур, сомнений и недовольств, через 10–20 лет показывает, что общая идея говорившегося присутствует в тексте. И вообще, при абсолютной верности того положения, что автор пишет для читателей, других... он все же прежде всего пишет от себя и для себя... потому меня мало волнует, что будет далее. Хотя я уверен, что ничего тяжелого не будет. К тому же у меня много возможностей говорить то, что думается... В Интернете я могу выложить любой текст, и он будет жить»⁸.

И лишь однажды посетовал: «Поэт пишет для себя, композитор пишет для себя... Аудитория просто настраивается на их волны и сопереживает. Математики доказывают теоремы, не думая, поймут ли их неподготовленные... При современном развитии математики и физики там есть разделы, в которых лишь десятки, единицы ученых понимают друг друга. И ничего, процесс идет, развивается... А в других науках считается почему-то, что все должны понимать всё... абсурд... так наука выхолащивается. Наука — по сути — элитарна...»⁹.

Будучи редактором, я дорожу хорошими текстами, зная на своем опыте, как нечасто они встречаются. Поэтому в завершение своих заметок приведу фрагмент еще из одного письма; он, хоть и не совсем «в тему», но, мне кажется, во многом показателен. Это размышления автора, бывшего математика, о языках текста.

⁸ Электронное письмо Б. Докторова Н. Мазлумяновой от 7.03.2005 г.

⁹ Электронное письмо Б. Докторова Н. Мазлумяновой от 28.03.2005 г.

«...Есть проза, есть стихи, есть математические формулы. Есть проза, приближающаяся к поэзии. Есть поэзия, приближающаяся к математике. (Здесь еще надо найти место музыке, но это — в другой раз.) Я бы так все упорядочил. Поэзия — между. Она компактнее и гуще, чем проза, описывает картину мира и мир чувств. Потому мы так любим настоящую поэзию. Она зовет нас мыслить, думать, чувствовать... мы задумываемся над фразой, словом, слогом, звуком, знаком препинания... Формула еще компактнее и еще гуще описывает картину мира. К простым формулам, типа теоремы Пифагора или биннома Ньютона (сегодня их нормальный школьник выведет запросто), могли подойти только гении, им это послал Бог, как поэтам или композиторам. Из формул вытекает еще больше следствий, чем из поэзии. В них все так свернуто, что их постижение вызывает мощную энергию творчества, часто приближает к психическим срывам... Но в любом случае работа с ними, как со строчками стихов — это великое наслаждение...»¹⁰.

Еще не была поставлена точка в конце «Отцов-основателей», как Борис Докторов «ввязался» сразу в два новых масштабных проекта — по истории американской рекламы (как сказано выше, американские опросы общественного мнения во многом выросли из изучения рекламы — у этих двух направлений есть общие «прародители» и общая методология) и истории российской социологии в личных биографиях. Ведь еще так много судеб — и людей, и идей, значимых для понимания прошлого-настоящего, ждут своего историографа, и автор спешит откликнуться на столь внятный для него призыв...

ЛИТЕРАТУРА

1. Докторов Б.З. Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования, 2006.
2. Докторов Б.З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллала до Грушина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2005.
3. Интервью с профессором Борисом Докторовым // Социальная реальность: журнал социологических наблюдений и обобщений. 2006. № 2. С. 101.
4. Докторов Б.З. «Мне наиболее интересны методы познания и сам исследователь...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 3 (в печати).
5. Докторов Б.З. «Я живу в двуедином пространстве...» // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 132–167.

¹⁰ Электронное письмо Б. Докторову Н. Мазлумяновой от 24.03.2005 г.